

УДК 908+930

*П.С. Кабытов, А.А. Мякотин**

ИСТОРИОГРАФИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ (САМАРСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1960–1990-е гг.**

В статье на материалах Куйбышевской (Самарской) области рассматривается история изучения регионального «кластера» позднесоветской и российской элиты. Рассмотрены содержание и этапы историографического процесса, его детерминация различными факторами: общественно-политическая конъюнктура, режим доступа к источникам, теоретическая парадигма. Определены актуальные задачи и перспективы развития элитологических исследований.

Ключевые слова: историография, элита, региональная власть, историографический факт, партийная номенклатура, политический класс, технократия.

Динамика и вектор развития общества, его жизнеспособность в огромной степени зависит от меньшинства, наделенного «властным ресурсом». В последние два десятилетия в исследованиях властных структур активно используется термин «элита». Это понятие, не имеющее унифицированного определения, обозначает (в самом общем виде) социальные группы, обладающие высоким (в сравнении с другими общностями) уровнем субъектности. Представители элиты, в силу статуса (формального или неформального), принимают решения, генерируют идеи, которые определяют цели и содержание деятельности других общественных групп. Исследование элит предполагает интеграцию теоретического инструментария многих общественных наук, включая субдисциплины: социологии, политической психологии, конфликтологии, политологии и др. Однако важнейшее место в элитологических исследованиях занимает эмпирический материал и инструментарий исторической науки. Это объясняется тем, что для выявления закономерностей формирования, функционирования и смены (ротации) элит необходим ретроспективный анализ. Требуется рассмотрение достаточно протяженного исторического периода, чтобы в динамике изучить качественные и количественные параметры элиты; выявить повторяющиеся (т. е. закономерные, типичные) явления и процессы в элитообразовании.

Для генезиса современной российской элиты важнейшее значение имеет период «зрелого» и «позднего» советского социализма (с рубежа 1960–х гг.), а также первое постсоветское десятилетие (1990-е гг.). В 1960-е гг. в связи с демонтажом сталинизма и его репрессивных практик, принявшим форму «номенклатурной революции», про-

* © Кабытов П.С., Мякотин А.А., 2013

Кабытов Петр Серафимович (kabpetr@samsu.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета; *Мякотин Андрей Александрович* (andrey_mn_75@mail.ru), кафедра документоведения Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р).

изошла «кристаллизация» советской партийно-хозяйственной элиты (номенклатуры), ее дистанцирование от других социальных групп. Дальнейшая эволюция партхозно-менклатуры сопровождалась ее постепенным закрытием (социальной «герметизацией») и осознанием своих групповых (корпоративных) интересов. Доминирующий групповой интерес совпартэлиты на излете советской истории заключался в конвертации власти (политико-административного ресурса) в собственность. Поэтому крупнейшая общественная трансформация рубежа 1980-х – 1990-х гг., состоявшая в смене государственного социализма периферийным, сырьевым вариантом капитализма, представляла собой реализацию коллективного интереса элиты. Об этом свидетельствует преемственная связь между позднесоветской и российской элитой. В 1990-е гг. в политической и бизнес-элите более 70 % составляли представители бывшей комсомольской и партийной номенклатуры. Переход от «советизма» к «постсоветизму» не сопровождался «рывком к власти» новой элиты; произошла социальная мимикрия номенклатуры. Это позволило историку А.И. Фурсову определить его (на наш взгляд, с полным основанием) как нисходящее развитие, «самовоспроизводящийся процесс разложения позднесоветского общества» [48].

Историческая деконструкция, т. е. анализ происхождения, условий возникновения современных явлений и процессов в среде элит, начинается с изучения информационных ресурсов – первичных (источники) и вторичных (историография). В настоящей статье рассматриваются историографический и источниковедческий аспекты становления и эволюции региональной (на материалах главным образом Куйбышевской/Самарской областей) политической и административно-хозяйственной элиты в 1960-е – 1990-е гг. Качественные трансформации в историографии по теме детерминировались в основном внешними факторами: общественной конъюнктурой, политико-идеологическим режимом. Поэтому историографическая периодизация в данном случае совпадает с политической. Развитие историографии по теме включает два этапа: советский (1960–1991 гг.) и современный (постсоветский) – с 1991 г. по н. в. Советская историография, в свою очередь, неоднородна; в ней выделяются, хотя не столь «рельефно», три периода: первая половина 1960-х гг. – период относительного общественно-политического либерализма («оттепель»); вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. – период преобладания охранительных политических тенденций («брежневизм»); 1985–1991 гг. – «перестройка», в течение которой шел процесс демонтажа партийного контроля над исторической наукой.

Научная литература советского периода, в которой рассматривается кадровый аспект деятельности партийно-государственных органов, включает несколько направлений изучения проблем: партийное строительство, организационно-кадровая работа и история КПСС. Эти направления историко-партийной науки были интегрированы в идеологический механизм («агитпроп»); они обслуживали идеологическую и организационную функции партийного аппарата. Преимущественно идеологический характер работ по историко-партийной тематике проявляется в их схоластичности, ограниченном использовании архивных документов; единообразии и апологетическом (в отношении партноменклатуры) характере выводов и оценок; использовании «новояза» (идеологических клише, «официозной» стилистики). Тем не менее в рамках норм, установленных партийной цензурой, историография развивалась; в отдельных работах о кадрах партийно-государственных органов приводятся ценные сведения, статистический материал, содержатся нетрадиционные, критические суждения и оценки.

В период «оттепели» изучение региональных руководящих кадров развивалось путем преодоления наиболее одиозных черт «сталинской» историографии. Тенденцией историографического процесса был отход от догматики «Краткого курса»; расширение проблематики исследований и обращение авторов научных трудов к архивным ис-

точникам и периодике, которые использовались главным образом для «иллюстрации», а не аргументации. Характерным историографическим явлением первой половины 1960-х гг. были работы, в которых обосновывалось преимущество ленинской кадровой политики перед сталинской; подчеркивалась необходимость восстановления «ленинских норм» в функционировании номенклатурных кадров. В начале 1960-х гг. предметом изучения становится региональный аспект формирования и деятельности кадрового состава партийно-управленческих структур. К числу первых историографических фактов следует отнести монографию П.Ф. Пигалева, которая как по постановке проблемы, так и по содержанию является типичным примером исполнения партийного заказа [43]. Новым является то, что автор ввел в научный оборот сведения об организационных основах работы с региональными партийными кадрами, постановке учетно-кадровой работы. Особую значимость имеет статистика по персональному и должностному составу местных парторганов.

Для изучения кадров партийно-номенклатурной власти необходим анализ первых этапов становления партийно-советского аппарата, в частности содержания так называемых «ленинских принципов» работы с кадрами, апеллирование к которым играло большую роль в партийной кадровой политике (особенно в годы «оттепели» и перестройки). Поэтому одним из важнейших историографических фактов этого периода является, на наш взгляд, монография Е.Н. Городецкого [11].

Публикации по кадровым аспектам регионального управления, появившиеся до середины 1980-х гг., относятся к категории научно-популярных, прикладных (не «академических»). Информационную основу работ составлял не архивный материал, а опубликованные нормативно-уставные и директивные документы КПСС. В этих публикациях транслировался опыт работы авторов в партийном аппарате. Как правило, эти публикации также предназначались для сотрудников аппарата и партийного актива. В этом отношении характерен сборник «Партийный комитет и кадры», содержащий статьи куйбышевских партийных функционеров среднего звена [42]. Наряду с многочисленными «общими местами» о внутрипартийном демократизме, «заботе партии о кадрах» и т. д. в работе можно выявить при внимательном критическом анализе полезные сведения о принципах формирования кадрового резерва, критериях и процедурах отбора кандидатов на те или иные вакансии в партийном аппарате, особенностях субординации, статуса отдельных должностных лиц в партийных структурах, механизме взаимоотношений региональных и местных партийных органов, аппаратных традициях и неформальных социальных практиках региональной номенклатуры.

Статьи сборника «Партийная работа: стиль, формы и методы» [41], подготовленные сотрудниками парткомов Куйбышевской области, также являются пропагандистскими текстами; тем не менее они содержат анализ опыта кадровой деятельности, критику некоторых форм работы партаппарата, практические рекомендации. Во всех статьях большую часть занимают шаблонные фрагменты о «живой связи» партии с массами, демократизме ее устройства, социальной однородности советского общества, прогностических возможностях марксизма-ленинизма и т. д. Это своеобразный вербальный ритуал, предназначенный для выражения идеологической лояльности. Соотношение положительных и негативных оценок строго выверено; при общем положительном тоне отмечаются «отдельные недостатки», ошибки «некоторых работников» и проч. Можно отметить положительную связь между служебным статусом авторов и информативностью статей, поскольку вышестоящий работник располагал большим информационным ресурсом. Так, в статье первого секретаря Куйбышевского обкома Е.Ф. Муравьева приводятся численный и должностной состав номенклатуры облпарткома, его возрастные характеристики, качественная динамика. Он отмечает увеличение продолжительности пребывания в должности номенклатурных работников

в 1970-е гг., считая это показателем стабильности кадрового состава, «бережного отношения» к кадрам. Современные исследователи рассматривают такие данные, как показатель снижения социальной мобильности, застойности позднесоветского общества [41, с. 3–23]. Содержательна статья Н. Тимошина, в которой рассматриваются виды партийной информации и их движение, а также рутинный (делопроизводственный) аспект контроля исполнения решений и постановлений парткомов, жалоб и обращений граждан [41, с. 153–165]. Эта информация может быть использована исследователями при работе с ретроспективными документами партийного делопроизводства.

Информативный материал о низовых звеньях управленческой элиты (номенклатуры) характеризуется в многочисленных публикациях о деятельности гор- и райкомов, партийных ячеек [47]. Этот массовый партийно-издательский «конвейер» малоинформативен; полезные (в контексте исследования элит) сведения удастся выявить только при «просеивании» большого потока информации. Эти сведения касаются «управленческой повседневности» партаппарата, рутинной деятельности секретарей, руководителей отделов и других партработников; методах мотивации, «воспитания», поощрения и контроля партийцев, критериях оценки их деятельности, особенностях карьерного пути представителей низовой номенклатуры; статистические материалы об образовательном уровне аппаратчиков, стаже и т. д.

Разнородную и «массивную» группу публикаций по вопросам кадрового обеспечения партийно-государственной власти составляют статьи в партийной периодике. Типовая тематика публикаций была следующей: региональный опыт работы с кадрами, инструкции по организации работы с личным составом парторганов, разделение функций партийных и советских, хозяйственных органов; должностные полномочия и нагрузка различных категорий партработников; экскурсии в историю партии и ее региональных отделений; материалы для региональных пропагандистов и т. д. Научный уровень публикаций существенно зависел от статуса журнала. Если статьи в печатном органе Куйбышевского обкома «Блокнот агитатора» являются типичными образцами «агитпропа», то журналы «Коммунист», «Вопросы истории КПСС» содержат профессионально выполненные обзоры по истории партийной (т. е. государственной) власти [40, с. 5–8].

Своеобразной вершиной региональной историко-партийной историографии стали очерки истории областных парторганизаций, опубликованные в разных регионах в конце 1950-х – начале 1980-х гг. В «Очерках...», подготовленных куйбышевскими историками, минимальное внимание уделялось анализу структуры местных отделений Коммунистической партии, их составу, кадровым основам деятельности [39]. В центре внимания были организационно-производственные мероприятия партии; в духе «казенного оптимизма» преподносились «успехи социалистического строительства». Для исследований органично включались данные о количестве членов и кандидатов партии, а также внештатных сотрудников партийных комитетов, инструкторов, партийного актива и т. д.

Количественный рост историко-партийной историографии обусловил появление исследований вторичного (историографического) материала. В статье Ю.П. Суслова, подводящей итоги развития историографии парторганизаций Поволжья к концу 1970-х гг., изучение кадрового состава парторганов не выделяется в качестве самостоятельного направления исследований [46, с. 92–110]. Характерно, что в статье упоминаются лишь две работы (по периоду нэпа), в которых затрагивается кадровый аспект деятельности партийных комитетов.

В советской историографии исследование номенклатурных механизмов управления, социальной природы советской элиты и «барьеров», отделяющих ее от других

групп населения, входило в число из наиболее табуированных тем. Изучение — в соответствии с критериями научности — природы социального неравенства в советском обществе, закономерностей формирования в нем элитных групп могло разрушить идеологический образ эгалитарного социалистического общества. В период «перестройки» (1985–1991 гг.), отмеченный кризисом базисных структур государства, в том числе партийного контроля над общественными науками, эти ограничения в значительной степени становились фикцией.

В первые «перестроечные» годы исследователи по-прежнему вели изучение в рамках схем официальной идеологии. Во многих публикациях повторялись концептуальные построения периода «оттепели», когда основные проблемы, включая административно-управленческие, расценивались как наследие «культы личности». Вместе с тем проявились новые тенденции; в работе В.А. Яцкова обосновывался тезис о трех поколениях партийных управленцев, который соответствовал трем «возрастам» советского общества [53]. Подчеркивая созидательную роль второго поколения советских управленцев, автор противопоставлял его следующей, постсталинской генерации номенклатурных кадров, для которой характерны потребительство, пониженный уровень личной ответственности.

В период перестройки появились труды, в которых бюрократизм, крайняя отчужденность и авторитарность советского стиля управления рассматривались как существенные (т. е. атрибутивные, не зависящие от воли руководителей) черты советской политической системы [7; 14; 22; 27].

Преобладание политизированных работ позволяет определить «перестройку» как «публицистический» этап в историографии партэлиты. Публицистический формат характерен для публикаций о региональной (куйбышевской) бюрократии, которые можно разделить на критические и апологетические. Примером последних является статья, в которой доказывался материально-бытовой «аскетизм» номенклатуры, ее способность возглавить «перестроечные» преобразования [8]. Эта работа содержит сведения о материальном содержании номенклатуры, штатных изменениях в аппарате КПСС в конце 1980-х гг.

На рубеже 1990-х гг. была опубликована книга М.С. Восленского, которая стала в известной мере методологической «программой» для современных исследователей, изучающих проблемы становления и эволюции партийно-советской элиты [10]. В работе содержится концепция квазифеодальной социальной природы советского общества, которая представляет собой развитие теории «нового класса» М. Джиласа [12]. Верхушка партийной бюрократии — номенклатура — является, по мнению М.С. Восленского, аналогом эксплуататорских классов прошлого, превосходя их в уровне эксплуатации, расточительном отношении к человеческим и природным ресурсам. Общество, возглавляемое номенклатурой (возникшей, по автору, в 1917 г.), в его работе предстает исторической аберрацией, «империей зла», что позволяет считать эту концепцию информационным продуктом «холодной войны».

Анализ публикаций позволяет сформулировать вывод о том, что в советской историографии региональное руководство (номенклатура, элита) не рассматривалось как социальная общность со своими статусными, корпоративными характеристиками, групповой динамикой. Предметом изучения была кадровая деятельность органов власти, методы комплектования, подбора, мотивации, расстановки кадров. Идеологические (следовательно, и методологические) ограничения делали невозможным изучение таких проблем, как: механизмы политического лидерства, материально-бытовое обеспечение региональной элиты, ее субкультура и корпоративное самосознание, формы социальной репрезентации; система неформальных связей в среде номенклатуры; социальные «барьеры», отделявшие номенклатуру от других общностей; стратификация

самой элиты, взаимоотношения ее групп, слоев и т. д. Вместе с тем в работах советского периода был введен в оборот значительный, прежде всего статистический, материал, который является важной основой для дальнейшего исследования элит.

Для постсоветской историографии, отказавшейся от догматического (канонизированного) марксизма, первостепенной задачей была разработка теоретического аппарата изучения элитных групп общества. Значительное влияние на методологию исследований системы власти и социальной структуры советского общества оказали работы авторов-эмигрантов: М.С. Восленского, А. Авторханова, А.А. Зиновьева [1; 15]. В исследованиях А.А. Зиновьева выделяется два типа власти в Советском Союзе: сталинистский (к нему он относил, в частности, хрущевскую и горбачевскую власть), в которой партаппарат является инструментом личной власти, и брежневистский, когда партийный аппарат становится замкнутой, самодовлеющей силой. Первый тип власти он характеризовал как «подлинное народовластие» (он опирается на массовое движение, противостоит бюрократии) и вместе с тем насильственный и волюнтаристский (потенциально опасный).

В первой половине 1990-х гг. появились исследования, авторы которых предприняли разработку концептуального инструментария изучения «столичной» и региональной элиты советского/российского общества [6; 18; 31; 45; 48]. Эти работы представляют собой развитие теоретических воззрений, названных выше авторов (прежде всего М.С. Восленского). Подчеркивая ценность этих исследований, необходимо отметить их отвлеченно-социологический характер, недостаточную фундированность документальным материалом.

Потребностью в макротехории (альтернативной марксизму), дающей алгоритм российского исторического процесса, объясняется интерес исследователей (прежде всего гуманитариев) к историософским работам А.С. Ахиезера [5]. Исследователь характеризует российский социум как «расколотое общество», т. е. неорганичное (конфликтотенное) единство двух типов цивилизации: традиционной и либеральной (западной, модернизаторской). Их интегральной характеристикой является нравственный идеал, т. е. представления о должном и сущем, которые конкретизируются в представлениях об идеальном политическом устройстве, хозяйственном укладе и т. д. Колебаниями между этими цивилизационными полюсами объясняется маятниковый ритм исторического развития, его инверсионность. Возникновение и исторический финал советского общества обусловлены очередным инверсионным циклом российской истории. Советский строй, по автору, был порожден «выплеском» социально-культурной архаики, организационное оформление которого возглавила парадоксальным образом ультрамодернизаторская партия (большевики). В эволюции советской элиты исследователь выделяет вполне традиционно три генерации. Первое поколение элиты («ленинская гвардия»), интеллигентское по составу, после революции оказалось неспособно к самовоспроизводству и быстро сменилось вторым – сталинским – типом номенклатурной элиты. Последняя, будучи носителем архаичных культурно-психологических черт, была удобным инструментом тирании. Социокультурные изменения в номенклатурном слое, заметные уже в позднесталинский период (более высокий образовательный ценз, городская субкультура и т. д.), обусловили переход от деспотии к номенклатурной олигархии.

«По инерции» продолжало издание публицистических работ о номенклатуре. Для этих работ характерна политическая «акцентуированность»; авторы рассматривали номенклатуру в качестве главного политического института советской эпохи, через призму которого можно понять советский период истории в целом.

Во второй половине 1990-х гг. историографическая ситуация изменилась; кризис историографии элит, вызванный методологическим «хаосом» и ликвидацией прямого

политического заказа, был во многом преодолен. Главным показателем этого стали многочисленные конкретно-исторические исследования, основанные на широком круге документальных источников.

Одним из ведущих исследователей политического процесса в Советском Союзе и современной России является социолог О.В. Крыштановская (она ввела в научный оборот термины «олигархия», «семья» (ельцинская), «силовики») [23]. Для изучения политического класса, высшая страта которого определяется автором как «элита», его внутригрупповой мобильности, источников и каналов пополнения элиты и выхода из нее (экстракорпорации) автор использует модифицированный (применительно к отечественным реалиям) аппарат западной политической социологии.

В исследованиях профессора Т.Г. Архиповой один из важнейших тезисов состоит в том, что в системе партноменклатурной власти существовал концептуально и организационно заверченный механизм работы с кадрами, включавший систему отбора кандидатов, формирование кадрового резерва, политическую социализацию, идеологический и дисциплинарный контроль и т. д. [4]. Демонтаж этой системы не сопровождался созданием другого столь же целостного механизма, что стало фактором архаизации (феодализации) системы государственного управления.

Значительный вклад в изучение слоя региональных управленцев внес пермский исследователь В.П. Мохов [34], который первым ввел в научный оборот термин (первоначально воспринятый как парадоксальный) «региональные элиты». По мнению историка, существенным аспектом эволюции политической системы в первой половине 1990-х гг. была «провинциализация» правящего класса, квалифицированная автором как «бунт региональных элит» [35, с. 5–7]. Вследствие дефрагментации, распада системы власти и управления большая часть властных ресурсов перешла к региональным руководителям. В работах В.П. Мохова социальная эволюция слоя региональных руководителей советского (1940–1990-е гг.) и постсоветского периода рассматривается на материалах Уральского региона.

Наиболее активно региональный аспект функционирования элит (политических, административно-хозяйственных) разрабатывается на материалах Сибири. Широким проблемно-хронологическим охватом выделяются работы А.Б. Коновалова [21]. Автор реконструировал должностную, социопрофессиональную динамику партноменклатуры Западно-Сибирского региона в 1946–1991 гг., механизм ее взаимоотношений с центром, содержание и результаты деятельности. В его исследованиях значительный интерес представляют биографические характеристики руководителей региона в этот период, которые дают представление о социально-карьерных «маршрутах» представителей номенклатуры в послевоенные годы.

Важное место в историографии партийно-номенклатурной элиты занимают работы Г.Л. Олеха, хотя в них рассматривается только начало 1920-х гг., когда возник институт номенклатуры и проявились «родовые черты» номенклатурно-олигархической системы власти [37]. По нашему мнению, в его исследованиях наиболее интересны не материал и выводы, а теоретико-методологический аппарат, который может быть использован при изучении позднесоветского и российского чиновничества. Автор показывает, что организационное развитие РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б) после революции идеально иллюстрирует закон олигархизации массовых политических партий. В его публикациях показан механизм перетекания партийной власти в «узкие коллегии» партийных комитетов, подчинения представительной ветви партийной власти исполнительным структурам, методы контроля партийной олигархии над формированием состава и деятельностью представительных органов. Заслугой исследователя является скрупулезное изучение дифференциации материального содержания и статуса различных категорий партработников, корректное определение понятий «партий-

ное чиновничество», «партийные функционеры», «ответственные работники» и др.

Диссертация Е.В. Миронова [33], по нашему мнению, вторична (тематически, методологически) по отношению к работам А.Б. Коновалова и Г.Л. Олеха. Главной проблемой, объединяющей структурные части работы, является эффективность управленческой деятельности местной партийно-государственной элиты. На основе анализа динамики количественного и социального состава партхозэлиты Иркутской области в 1956–1991 гг., ее формальных и реальных полномочий, роли в выработке управленческих решений, форм централизованного контроля над номенклатурой автор делает вполне запрограммированный вывод об исчерпанности сверхцентрализованной (мобилизационной) системы управления регионами при переходе к поздней и постиндустриальному обществу.

В центре внимания большинства региональных исследований находится областной/краевой уровень руководства. Поэтому положительной тенденцией представляется появление работ, в которых исследуются управленческие кадры городского и районного уровней.

Если историко-партийная проблематика изучалась целенаправленно и с высокой степенью интенсивности, то советские властные структуры традиционно рассматривались (не без оснований) как второстепенный элемент системы управления, ее фасад, «вывеска». Место и роль Советов в механизме местной власти, их взаимодействие с обществом и властными институтами рассматривается в работах М.Н. Матвеева [29]. Проблематика функционирования кадрового состава Советов находится на «периферии» его работ. Тем не менее в монографии самарский историк приводит статистический материал, характеризующих динамику состава Советов в 1977–1993 гг. [30, с. 55–57, 67–69]. Качественный состав Советов автор рассматривает как один из факторов, определявших авторитет и дееспособность Советов, их статус в системе власти.

Перспективной тематикой является изучение структур власти как социальных институтов. Это обеспечивает новый ракурс исследования, позволяя воссоздать социальные характеристики представителей региональной власти: статус (в том числе неформальный), социальную мобильность, нормы поведения и ценностные ориентиры, формы социального контроля, социальные ожидания носителей власти, социальный ритуал и культурно-символические практики.

Важным направлением элитологических исследований становится изучение технократической региональной элиты. Стоит заметить, что в исследовании этого кластера элиты высокую активность проявляют поволжские историки [9; 32; 36]. По мнению Е.Д. Невейничиной, рост структур и штатов хозяйственного управления привел к тому, что уже в начале 1980-х гг. технократический сегмент управленческой элиты был одним из самых влиятельных. При этом проникновение технократов в региональный партийный аппарат парадоксальным образом вело к усилению опеки парторганов над менеджерами. Партийные руководители, окончившие отраслевые вузы, возглавлявшие цехи и заводы, приобрели хозяйственный опыт, а потому считали себя достаточно компетентными для вмешательства в организацию производства.

Во второй половине 1990-х гг. историография региональной управленческой элиты получила организационное оформление в виде научных коллективов, структур, проектов. Одним из них является Центр элитологических исследований во главе с профессором В.П. Моховым, функционирующий при кафедре государственного управления и истории Пермского политехнического университета; в 2007 г. он получил статус научной организации при Академии политической науки.

Среди исследований организационно-кадрового развития системы власти в Самарском регионе в послесоветские годы следует выделить работы К.П. Ланге [25]. Уде-

ляя основное внимание структурным и правовым аспектам регионального управления, автор вместе с тем дает подробную характеристику самарскому политическому классу. Исследователь отмечает, что его консолидация отчетливо проявилась в 1997 г., когда на выборах второго состава Губернской думы (в отличие от первых выборов) не имели шансов пройти «случайные» люди, за которыми не стояли политические или крупные бизнес-структуры. По мнению историка, важным фактором политического процесса в Самарском регионе является «привычка» региональной элиты к самостоятельности, ставшая ее социально-психологической характеристикой.

Наиболее полным исследованием экономического и общественно-политического развития Куйбышевской области в 1985–1991 гг. является работа В.В. Крючкова. По мнению автора, логику общественно-политических событий периода «перестройки» выражает понятие «кризисный политический процесс». Содержанием политико-административного развития в эти годы был нарастающий кризис, проявлявшийся в дезорганизации местной власти, утрате ею рычагов управления, идейной платформы, целевых установок. Рассматривая появление новых общественно-политических организаций, в том числе неформальных, «оранжевых», исследователь отмечает, что они не стали «альтернативной элитой», однако сыграли роль в дискредитации номенклатурной власти [24].

Сведения о региональной политической «верхушке», спектре общественно-политических сил, представительстве в Самарской области «столичных» политических организаций содержатся в работах о парламентских партиях.

Несбалансированность развития историографии состоит в отсутствии исследовательского интереса к специальным (ведомственным) системам управления. Публикации по этой тематике единичны; одной из них является статья И.Н. Макаровой, в которой анализируется организационно-штатная структура управления образованием в Куйбышевской области в 1954–1965 гг. [28]. В работе рассматриваются категории административного персонала в аппарате управления, их численность, материальное обеспечение. Исследователь затрагивает социальные аспекты управленческой деятельности, рассматривая взаимоотношения административного и педагогического персонала, каналы вертикальной мобильности, обеспечивавшие «подъем» педагогических работников ведомственные органы управления.

«Конфигурация» внутриэлитных взаимоотношений в российских регионах к концу «ельцинского» периода российской власти исследуется в работе М. Лапиной и А. Чирикова [26]. Работа основана на материале нескольких типологически характерных регионов, включая Самарскую область, которая рассматривается как пример области с «сильным губернатором». Динамика внутриэлитных отношений в регионе, с точки зрения авторов, определяется соотношением основных источников влияния и власти: губернатора и его ближайшего окружения, губернской администрации и всей структуры местной исполнительной власти, представительной власти, региональных представительств федеральных структур. По мнению исследователей, главными препятствиями в развитии региональной элиты являются субъективные факторы: отсутствие у элиты ясных целей и стратегии, навыков управления конфликтами, слабая выраженность консенсусной политической культуры.

Исследования региональных элит в контексте их взаимоотношений с «путинской» властью представлены в сборнике «Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная». Политолог А.А. Александров, автор одной из статей сборника, рассматривая развитие политической жизни в Самарской области в 1990-е гг., пришел к выводу, что ограничение самостоятельности местных элит «вертикалью власти» в начале 2000-х гг. обусловлено прежде всего внутререгиональными факторами. Если в первой половине 1990-х гг. бизнес-структу-

ры нуждались в поддержке местной власти, то к концу 1990-х гг. местный бизнес окреп, интегрировался в вертикальные структуры и «взял ориентир» на федеральный центр [3].

В диссертации Д.В. Дудкиной предметом изучения является региональный аспект кадровой политики РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС [13]. Эта проблематика рассматривается в широком временном диапазоне (1917–1991 гг.) без территориальной локализации, т. е. на общесоюзном материале. Данные по Средневолжью приводятся только для конкретизации отдельных положений исследования. Автор отмечает, что этапы кадрового развития местной власти соответствуют (с небольшим временным лагом) годам правления партийных вождей. Механизм кадровой политики не был полностью институционализирован и во многом зависел от личности генсека. Изменения в персональном составе высшей власти сопровождались ротацией региональных кадров. Кроме того, имело место своеобразное индуцирование качеств вождя в системе власти, копирование стиля его деятельности подчиненными. В исследовании отмечено, что кадровая эволюция местной власти с начала 1960-х гг. была весьма противоречивой. С одной стороны, происходил рост образовательного уровня сотрудников партаппарата, повышение удельного веса технократов, прагматиков. Вместе с тем проявилась, особенно с 1970-х гг., феодализация региональной власти, состоявшая в распространении кумовства, nepотизма, протекции; превращении секретарей обкомов в «хозяев» регионов; фрагментации системы власти, усилении ведомственных барьеров; функциональном нивелировании партийных и хозяйственных органов. Эти черты усилились к началу 1990-х гг., когда слом номенклатурного кадрового механизма привел к тому, что личные связи стали практически единственной основой формирования кадрового состава местной власти. Отмеченные тенденции имеют значительную инерцию и проявляются в системе постсоветской государственности.

В «Истории Самарского Поволжья...» рассматривается новейшая история социума, а не власти. Это объясняется стремлением авторов преодолеть «наследство» историко-партийной историографии, в которой история края в XX веке почти отождествлялась с историей парторганизации. В очерках, охватывающих период 1960–1990-х гг., рассматриваются такие сюжеты, как: развитие образовательной инфраструктуры, научные коллективы региона и их достижения, события театральной и литературно-художественной жизни, крупнейшие историко-краеведческие проекты, общественно-политические акции, динамика уровня жизни. При анализе социально-политического развития области в 1980–1990-е гг. рассматривается не политико-административная «верхушка», а массовые процессы: общественные ожидания, неформальные общественно-политические структуры, проявления общественного протеста, избирательная активность. Вместе с тем дается очень сжатая характеристика некоторых представителей губернского и городского руководства [38]. В исследовании отсутствуют данные о структуре и составе органов власти, политических партий, количестве госслужащих, административных и хозяйственных руководителей. Этот коллективный труд, подытоживший развитие краеведения в послесоветское десятилетие, показывает, что к концу 1990-х гг. изучение элит было не «в тренде» самарской краеведческой историографии.

Наряду с исследованием региональной элиты «вообще» (как коллективного субъекта) задачей историографии является изучение качеств ее отдельных представителей. Это направление исследований представлено биографическими очерками, справочниками, энциклопедическими изданиями. Партийные региональные руководители были не политиками, т. е. публичными деятелями, а администраторами. Борьба за должности происходила внутри партийного аппарата («бюрократическая демократия»). Поэтому отсутствовала практика регулярного информирования населения о фактах биографии,

личных качествах, административном и хозяйственном опыте номенклатурных работников. Лаконичные биографические характеристики руководителей области/города публиковались в местной печати, как правило, при вступлении в должность, назначениях, должностных переводах и т. д. Единственной историко-биографической работой в советские годы стал сборник «Они служили народу» [18]. Он содержит очерки партийно-революционной и государственной деятельности руководителей города (края, области) до 1954 г. Для биографий, представленных в сборнике, характерна некоторая героизация деятельности местной парторганизации и ее руководителей, пафос «борьбы за социализм». Другими словами, в этом издании акцентирована идейно-воспитательная функция. Событийно-фактическая сторона биографий дана сжато; приводятся только даты важнейших должностных назначений.

Марксизм, признающий субъектом истории только макрогруппы, сдерживал развитие историко-биографических работ; в начале 1990-х гг. эти методологические ограничения были сняты. В первой половине 1990-х гг. крупным социокультурным проектом стало издание «Историко-культурной энциклопедии Самарского края», включающей биографические сведения о выдающихся людях — администраторах, военных, революционерах, организаторах производства, деятелях культуры и науки, — оставивших след в истории Самарского края [16]. Сухие биографические факты позволяют тем не менее наглядно представить взаимосвязь «малой» (региональной) и национальной истории.

Коллектив самарских архивистов подготовил биографический справочник о руководителях губернской (краевой, областной) парторганизации в 1917–1991 гг. В нем приведены датированные факты служебной и в меньшей степени личной биографии партийных руководителей. Выводы и оценки, содержащиеся в справочнике, соответствуют официальным партийным документам, что придает ему сходство с работами предыдущего историко-партийного этапа историографии [54].

Биографические данные глав города (1918–2010 гг.) приведены в работе А.Ю. Чухонкина [50]. В ней «языком фактов» характеризуется служебная карьера и общественно-политическая деятельность руководителей городской власти.

В «Энциклопедическом словаре биографий современников» (проект «Россия XXI век») Самарской области посвящено 5 книг (2002–2008 гг.) [52]. Он содержит биографические материалы о наиболее активной части населения региона. Это люди, занимающие ведущие позиции в различных областях деятельности (управление, производство, образование и т. д.); их можно отнести к элите в расширенной трактовке этого термина. Биографии представляют собой не перечень фактов, а индивидуализированные характеристики, основанные в том числе на материалах бесед, интервью и включающие сведения об увлечениях, интересах и т. д. Этот справочник в основном отражает социальные реалии начала XXI века; однако приводится немало сведений по предыдущему десятилетию.

Общей чертой историко-биографических работ, снижающей их ценность, является справочный характер, сжатость и эмпиризм. В этом отношении несколько выделяется историко-документальная работа о «рыцаре» партийной идеологии (в ее национал-большевистском варианте) Николае Петровиче Пашенцеве [51]. Воспоминания коллег и современников, приведенные в работе, отмечены пиететом к этой яркой (на фоне общего конформизма) личности; в них характеризуется вклад Н.П. Пашенцева в развитие системы образования в Куйбышеве/Самаре; подчеркивается его научно-педагогический уровень, незаурядность как лектора. Документальный материал исследования позволяет проследить идеологические корни кризиса советской системы; ослабление идейно-информационных «скреп», цементирующих партийную власть; идеологический хаос и эклектику постсоветского периода.

Своеобразной репрезентацией современного состояния самарского краеведения (и шагом в его развитии) является «Энциклопедия Самарского края» (2010–2012 гг.) [53]. Ее содержательность обусловлена видовым разнообразием публикаций; она включает обзоры административного и социально-экономического развития Самарской области (губернии), материалы по персоналиям, статьи по истории местной власти и т. д. При подготовке энциклопедии было заполнено немало «лакун» в истории края. Поэтому исследовательское значение «Самарской энциклопедии» не уступает информационно-справочному. В ней введены в оборот новые сведения о кадровой и структурной динамике местных органов власти во второй половине XX века; приведены краткие биографии партийных, государственных, хозяйственных руководителей.

Как известно, исследовательский процесс предполагает последовательное усложнение предмета изучения до уровня его объекта. В исследовании элит, несмотря на стремительное (скачкообразное) расширение проблематики и информационной базы исследований в 1990–2000 гг., многие стороны объекта практически не «освоены» исторической наукой. Среди актуальных задач исследования можно, на наш взгляд, выделить механизм преемственности советской и российской элит, роль региональной элиты в социально-политических трансформациях конца 1980-х – начала 1990-х гг., неформальные связи и каналы влияния в составе элиты. Также необходимо изучение биографических характеристик представителей региональной власти.

Библиографический список

1. Авторханов А. Технология власти. М., 1991.
2. Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945–1982 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009.
3. Александров А. Самарская область: политические процессы, 1997–2000 гг. // Феномен Владимира Путина и российские регионы: необходимость или закономерность?: сб. ст. М., 2004. С. 141–187.
4. Архипова Т.Г. Номенклатура в посттоталитарной России // Чтения памяти профессора Т.П. Коржихиной «Российская государственность: опыт и перспективы изучения». М., 1995. С. 118–221.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1–3.
6. Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты России – от организации «профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6.
7. Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // Эко. 1989. № 1.
8. Волжская заря. 1989. 24 ноября.
9. Волосов Е.Н. История технократической элиты Ангаро-Енисейского района: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.
10. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
11. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965.
12. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
13. Дудкина Д.В. Советская кадровая политика и местный госаппарат (1917–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.
14. Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М., 1990.
15. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008.
16. Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1993–1995.
17. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998 гг.). М., 2000.

18. Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и ее кризис (1919–1991). Белгород, 1993.
19. Кислицин С.А. Научная элита в системе политической власти. М., 2008.
20. Коммунистическая партия в портретах ее лидеров, 1917–1991 гг.: биограф. справ. / научн. рук. В.Н. Парамонов. Самара, 2010.
21. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945–1991 гг.). Кемерово, 2006.
22. Кочерга Б.Н. Советская бюрократия: путь к власти (исторический очерк) // Вестник высшей школы. 1990. № 12.
23. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005.
24. Крючков В.В. Социально-экономическое и политическое развитие Куйбышевской области в 1985–1991 гг. Самара, 2002.
25. Ланге К.Л. Становление современной системы региональных органов государственной власти в 1993–1999 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.
26. Лапина Н., Чириков А. Региональная власть в России: парадоксы становления // Общество и экономика. 1999. № 5. С. 127–157.
27. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов н/Д., 1989.
28. Макарова И.Н. Состав работников в органах управления народным образованием Куйбышевской области в 1955–1964 гг. // Вестник СамГУ. Сер: Гуманитарная. 2012. № 2/1 (93).
29. Матвеев М. Н. Власти и общество в системе местного самоуправления России в 1993–2003 годах. Самара, 2006.
30. Матвеев. М.Н. Власть и общество в системе народных депутатов в 1977–1993 годах. Самара, 2005.
31. Мерзляков Л.И. Номенклатура и тоталитаризм: характер симбиоза // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.
32. Милых А.Ю. Технократизм в политическом процессе российского общества: дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
33. Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956–1991 гг.: на примере Иркутской области: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.
34. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России. 1950–1990 гг. Пермь, 1998.
35. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003.
36. Невейницына Е.Д. Роль хозяйственной элиты в советском обществе. 1960–1980-е годы (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.
37. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
38. Они служили народу / сост. Ф.Г. Попов, А.П. Яковлева. Куйбышев, 1968.
39. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983.
40. Партийная организация области в цифрах // Блокнот агитатора. 1973. № 20.
41. Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст. / сост. Г.А. Сарматов Куйбышев, 1982.
42. Партийный комитет и кадры. Куйбышев, 1972.
43. Пигалев П.Ф. Местные партийные органы – органы политического и организационного руководства. М., 1962.
44. Портнягин А.И. Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965–1970 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.
45. Пугачев Б.М. Развитие советских и постсоветских элит // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 16–28;

46. Суслов Ю.П. История партийной организации Поволжья (Краткий историографический обзор. 1971–1979 гг.) // История партийных организаций Поволжья: межвуз. сб. научн. трудов. Вып. II. Саратов, 1983.
47. Трегубов Н. Главное – действенность. Куйбышев, 1970.
48. Фурсов А.И. Далекие зеркала: 1913–2013 гг. URL: <http://anapa-pro.com/category/16/article/2019>.
49. Чешков М. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 32–43.
50. Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года. Самара, 2010.
51. Шеремеев Е.Е. Николай Петрович Пашенцев (1921–2011 гг.): искусство публично мыслить. Самара, 2012.
52. Энциклопедический словарь биографий современников «Вся Россия – XXI век». Кн. 1. Самара, 2002; Кн. 3. Самара, 2005; Кн. 4. Самара, 2006; Кн. 5. Самара, 2008.
53. Энциклопедия Самарской области. Самара, 2010–2012. Т. 1–6.
54. Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986.

*P.S. Kabytov, A.V. Myakotin**

HISTORIOGRAPHY OF ADMINISTRATIVE AND ECONOMIC ELITE OF KUIBYSHEV (SAMARA) REGION IN 1960–1980

In the article on the materials of Kuibyshev (Samara) region the history of study of regional «cluster» of late Soviet and Russian elite is viewed. The content and stages of historiographic process, its determination by different factors: social and political current state of affairs, regime of access to the sources, theoretical paradigm is viewed. Relevant tasks and prospects of development of elite logical researches are defined.

Key words: historiography, elite, regional power, historiographic fact, party nomenclature, political class, technocracy.

* *Kabytov Petr Serafimovich* (kabpetr@samsu.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University; *Myakotin Andrey Alexandrovich* (andrey_mn_75@mail.ru), the Dept. of Scientific Discipline of Documentation, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.